

Музейное дело и Февральская революция

Февральская революция оказалась событием, одинаково важным как для политической, так и для культурной жизни России. Музейное дело и охрана памятников не стали здесь исключением.

Виталий Ананьев ■ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Один из самых тонких наблюдателей и активных участников пертурбаций эпохи Александр Бенуа уже 2 марта 1917 года записал в дневнике: «Мы узнали о задержании государя где-то у Бологого. Тотчас же во мне проснулась острая тревога за Царскоеосельский дворец. Вообще, особенно страшно за все памятники, которые так или иначе „причастны царизму“».¹

7 марта 1917 года в помещении петроградского Института истории искусств, основанного по инициативе графа В. П. Зубова и неофициально именованного Зубовским, было созвано совещание деятелей искусства и науки по вопросу об организации ведомства искусств. С докладом от имени совета Института выступил один из основоположников «научного петербурговедения» В. Я. Курбатов. Вскоре доклад был опубликован под названием «Необходимо ли самостоятельное ведомство изящных искусств?». Учреждение самостоятельного ведомства искусств признавалось в нём «безусловной государственной необходимостью». В его ведении, среди прочего, должны были находиться «забота о существующих произведениях искусства и сохранение их в жизни», а также сохранение произведений искусства, «вышедших из круга жизни», то есть образование постоянных музеев.²

¹ Бенуа А. Дневник 1916–1918 годов. М., 2006. С. 114.

² См.: Необходимо ли самостоятельное ведомство изящных искусств? Доклад В. Я. Курбатова, прочитанный по поручению совета Института истории искусств на совещании деятелей искусства 7 марта 1917 года. Пг., 1917.

По итогам совещания была составлена комиссия для мотивировки принятой в его ходе резолюции и разработки вопросов, относящихся к организации самостоятельного ведомства изящных искусств. Её первое заседание состоялось 10 марта 1917 года. Собравшиеся решили не ограничиваться мотивировкой, но и подготовить проект временной организации ведомства, «осуществимой ещё в условиях переходного времени». Решено было вести работу по семи подкомиссиям, одна из которых была посвящена музейному делу и охране памятников. Предполагалось, что такие подкомиссии должны подготовить доклады по своей проблематике, которые могли бы служить «собранию и критической проверке фактических данных и доводов в пользу или против учреждения самостоятельного ведомства искусств». Их планировалось издать в «Трудах» или «Материалах комиссии». Комиссия должна была свести выводы разных подкомиссий в единую докладную записку, которую следовало подать «правительству или Всероссийскому съезду деятелей искусств или другому компетентному в решении этих вопросов учреждению».³

В состав музейной комиссии первоначально вошли такие видные музейные деятели, как искусствовед и издатель журнала «Старые годы» П. П. Вейнер, основатель Института истории искусств В. П. Зубов, сотрудник художественного отдела Музея императора Александра III П. И. Нерадовский и Н. Н. Пунин, антиковед М. И. Ростовцев (председатель), директор Эрмитажа Д. И. Толстой и сотрудник его картинной галереи Д. А. Шмидт.⁴ Вскоре состав

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 107 об.

⁴ Там же. Л. 105 об.

комиссии был расширен, и в работе приняли участие так же Ф. Г. Беренштам, Э. О. Визель, О. Ф. Вальдгауер, А. А. Миллер, Н. М. Могилянский, К. К. Романов, финский учёный А. М. Тальгрэн, пришедший доклад по почте, С. Н. Троицкий, Б. В. Фармаковский, В. Я. Чемберс и другие.

Комиссия сконцентрировалась на трёх блоках вопросов: собственно музейном деле, охране памятников и археологических раскопках. Проблема централизации музейного дела и создания специализированных структур, призванных осуществлять руководство данной областью, нашла отражение в целом ряде докладов. Именно ей, например, посвящены были доклады А. А. Миллера «Дирекция национальных музеев» и Н. М. Могилянского «Об управлении большим центральным музеем».⁵ Охарактеризованы в специальных докладах были возможные пути реформирования крупнейших художественных музеев России: Эрмитажа, Русского музея, Музея Академии художеств, Исторического музея.

Проблема охраны памятников рассматривалась сразу в нескольких аспектах, что демонстрирует достаточно высокую степень концептуализации данного проблемного поля. Во-первых, была предпринята попытка предложить один из первых исторических очерков развития данной сферы деятельности в России — им стал доклад сотрудника этнографического отдела Музея императора Александра III, впоследствии известнейшего археолога А. А. Миллера «Очерк истории охраны памятников старины и древностей в России», содержащий подробный рассказ о государственных мерах в этой области, законодательстве и разработке соответствующего законопроекта в начале XX века. Во-вторых, был дан анализ аналогичных мер за границей — доклад финского археолога А. М. Тальгрена «Охрана памятников в скандинавских государствах и Финляндии» и доклад сотрудника Эрмитажа Д. А. Шмидта, характеризовавший западноевропейский опыт. Важность обращения к сравнительному материалу, судя по всему, вполне осознавалась инициаторами проекта. В-третьих, в докладах, посвящённых смежным темам, охарактеризованы были отдельные проблемы охраны различных категорий памятников, например археологических (доклад

⁵ См.: Ананьев В. Г. Проблема централизации музейного дела в дискуссиях 1917 года (по материалам совещания в Институте истории искусств) // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. Т. 158. Кн. 3. С. 733–742.

М. И. Ростовцева «Раскопки и охрана памятников, добытых путём раскопок»; доклад «Российский исторический музей. Его задания и желательные реформы», подготовленный советом этого музея), церковной старины (доклад исследователя древнерусского искусства В. Т. Георгиевского «Мероприятия по охране памятников церковного искусства и положение провинциальных церковно-археологических музеев»), мусульманских древностей (доклад востоковеда академика В. В. Бартольда «По вопросу об охране нехристианских культовых древностей»). Однако наиболее полно вопрос этот был раскрыт в двух докладах П. П. Вейнера, неоднократно обращавшегося к этой теме и раньше и представившего своеобразный синтез всех отмеченных выше аспектов проблемы. Доклады были посвящены охране движимых памятников и памятников архитектуры.⁶

Организаторы совещания планировали практические меры, основанные на полученных в ходе заседаний разработках. Судя по всему, научный авторитет института был достаточно высок, и многие (в том числе на государственном уровне) видели в нём серьёзный экспертный центр в данной области. По крайней мере 27 мая 1917 года учёный секретарь института В. Н. Ракинт получил от комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов удостоверение о том, что ему поручается «осмотреть в различных правительственных учреждениях разные художественные предметы, снятые там в связи с происшедшими переменами в государственном строе», для возможной передачи их комиссару. Тогда же от помощника комиссара он получил предложение «принять участие в качестве члена Комиссии по приёмке

и охране петроградского дворцового имущества в её работах по проверке, сортированию и последующей приёмке тех художественных предметов петроградского дворцового имущества, отвечающего художественным целям».

Директор института В. П. Зубов и П. П. Вейнер, читавший там лекции, вошли в состав одной из образованных в мае 1917 года художественных комиссий, на которые были возложены функции охраны пригородных императорских резиденций. Они вели работу в Гатчинском дворце. Причём следует отметить: комиссия была образована приказом комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов 27 мая 1917 года — то есть в то самое время, когда активно шли заседания институтских комиссий. Об их деятельности комиссар был хорошо осведомлён.

4 июля 1917 года комиссару над Министерством двора было направлено письмо, в котором сообщалось, что в марте при институте была образована Комиссия по разработке вопросов, связанных с устройством художественной жизни России. К тому времени закончены были работы комиссии в части охраны художественных и археологических памятников и организации музейного дела, ведшиеся под председательством академика М. И. Ростовцева и профессора Ф. Ф. Зелинского. Комиссия была готова представить свои материалы комиссариату для напечатания на государственный счёт — причём авторы докладов отказывались от какого бы то ни было вознаграждения.⁷ Однако начинание это реализовано не было. Как вспоминали в 1922 году авторы юбилейного отчёта о деятельности Института истории искусств: «От комиссара над бывшим Министерством двора Головина было получено разрешение на печатание трудов комиссии на государственный счёт, но сначала перемена

строения, а затем всё возраставшие типографские затруднения сделали осуществление этого надолго невозможным. Однако труды членов этой комиссии не пропали даром, и авторы вышеупомянутых докладов могут видеть теперь многие свои идеи воплощающимися в жизнь силою самой жизни».⁸ И действительно, после революции многие из предлагавшихся мер, связанных с централизацией и перераспределением музейных коллекций, начали реализовываться, хотя и не всегда в той форме, которую имели в виду их инициаторы.

В первую очередь здесь следует отметить Первую всероссийскую конференцию по делам музеев, проходившую в Петрограде зимой 1919 года. На ней вновь были озвучены планы создания нескольких укрупнённых центральных музеев, перераспределения существующих музейных коллекций и создания централизованного Государственного музейного фонда.

Вопрос о точной связи озвученной на конференции «Московской декларации» с докладами, подготовленными в рамках институтских инициатив, требует дополнительного изучения, однако уже сейчас можно сказать, что определённая связь между ними существовала. Совещание при Институте истории искусств должно быть поставлено в один ряд с Предварительным музейным съездом 1912 года и Первой всероссийской конференцией по делам музеев 1919 года как своеобразное промежуточное звено между ними. Фактически это был первый в России коллективный исследовательский проект в области музейного дела и охраны памятников. И порождён он был именно обстановкой Февральской революции.

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

⁶ См.: Ананьев В. Г. П. П. Вейнер и проблема охраны памятников в дискуссиях 1917 года // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405 (апрель). С. 50–56.

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. II. Л. 3.

⁸ Краткий отчёт о деятельности Российского института истории искусств // Задачи и методы изучения искусств. СПб., 2012. С. 192.